

сгущенных консервов. При производстве используются только натуральные ингредиенты. Освоен выпуск пробиотических продуктов с бифидобактериями: «Активил», биоюгурт «Идеал», кефир фруктовый «Экзотика». На комбинате ведется строгий контроль качества выпускаемой продукции.

Какой тип базисной стратегии развития бизнеса реализует ОАО «Березовский сыродельный комбинат»?

На творческом уровне студент должен уметь классифицировать и систематизировать основные понятия кадрового потенциала, проводить оценки и применять знания и умения в практической деятельности. Контроль проводится с использованием заданий на применение знаний в незнакомой ситуации и на добывание новых знаний. Здесь применяются проблемные задания, нетиповые и научно-исследовательские задачи.

1. Задание на применение знаний в незнакомой ситуации; вид тестового задания — проблемная задача.

Что будет, если при выработке стратегии организации не учитывать имеющиеся финансовые ресурсы?

2. Задание на применение знаний в незнакомой ситуации; вид тестового задания — нетиповая задача.

Предложите методику анализа состояния отрасли и позиции организации в отрасли как ключевого фактора, учитываемого при выборе стратегии.

3. Задание на добывание новых знаний; вид тестового задания — научно-исследовательская задача.

Проведите анализ взаимосвязи стратегии бизнеса и кадровой стратегии конкретной сельскохозяйственной организации (например, которая являлась базой производственной практики).

Итоги контроля обучения позволяют своевременно выявить степень усвоения материала студентами и, в случае необходимости, скорректировать учебный процесс. Материал текущего учебного модуля студент получает право сдать только после усвоения материала предыдущего модуля на всех уровнях.

Анализ применения блочно-модульной системы обучения показал, что успеваемость студентов существенно повысилась. Так, например, из 29 студентов 4 курса (группа 44 им), обучающихся по специальности "Менеджмент", в осеннем семестре по дисциплине "Управление персоналом" лишь четверо не в срок выполняли практические и самостоятельные задания, у 12 студентов были отмечены отличные результаты (оценка 9 и 10) текущего контроля знаний по всем трем модулям. Итоги сессии показали, что абсолютная успеваемость в группе — 100 %, качественная успеваемость — 88,5 %, средний балл — 8,2. У самой слабой группы 4 курса ФПУ (группа 47 эи), где 13 студентов по различным причинам не соблюдали график изучения дисциплины, абсолютная успеваемость — 100 %, качественная успеваемость — 57,1 %, средний балл — 6,9. Аналогичная тенденция прослеживается и при изучении других дисциплин. Причем имеет место корреляция посещаемости занятий студентами и их успеваемостью.

В заключение следует отметить, что блочно-модульная система обучения позволяет более объективно оценивать результаты обучения, имеет положительные отзывы студентов. При этом не возникает проблем со свободным посещением занятий и отработкой пропущенных лекций и семинаров. Вместе с тем, блочно-модульная система предъявляет повышенные требования к преподавателю, который должен не только знать и уметь применять на практике методику проектирования и использования учебно-методических комплексов, но и быть готовым к значительным затратам времени и сил на разработку индивидуальных заданий разного уровня, их проверку и проведение дополнительных консультаций.

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

О.В. Рыжанкова, к.э.н., доцент, М.Ф. Рыжанков, к.э.н., доцент

В методологии преподавания едва ли не самым значительным представляется обнаружение живого интереса ко всему вслух высказанному преподавателем, что главные

усилия преподавателей должны быть направлены на установление обратной связи с аудиторией, на завоевание доверия, симпатии и внимания слушателей. И это — первое и главное в работе любого преподавателя. Это — исходное, ибо несмотря на все достижения в области технических средств обучения, научить человека может только человек.

Более того, опыт общения со студенческой аудиторией рождает мысль о том, что процесс обучения — обоюдный процесс. Ведь студенты тоже воздействуют на преподавателя, заставляя то и дело менять прежние суждения, угол зрения на известные проблемы, обнаруживать противоречивость в ранее безусловно признаваемом, иначе ставить вопросы и вновь и вновь рассуждать, не прекращая поиск все новых и новых аргументов и стили изложения мыслей.

Все, что следует далее — учет специфики предмета преподавания, т.е. того, что предписывает усвоить та или иная область знаний.

В случае, если речь идет, например, об экономической теории, а точнее, о том математизированном варианте микро- и макроэкономики, основанном на идеях маржинализма, который взят на вооружение после отказа от прежнего марксистско-ленинского понимания экономической жизни, то здесь смена акцентов привела к сдвигу проблемного поля экономической науки из сферы материального производства в сферу рационального потребительского выбора. Именно сюда ныне переместилась и центральная для экономистов проблема ценности (стоимости). И теперь главный «экспортный товар» экономической теории в обмене с другими социальными науками — это концепция рациональности.

Такого рода переориентация в теоретических отражениях экономической жизни, глубокое переосмысление ее начал и последствий, потребовали трансформации многих доселе применяемых научных методов. Гипотетически выстроенные абстрактные модели и графические построения, выполненные с принятием многочисленного ряда условных допущений, громоздкие математические расчеты и тому подобное, стали языком изложения современной экономической мысли.

Более того, приняв некоторые упрощающие предпосылки, из которых главной является предпосылка рационального поведения, современные экономисты могут, пользуясь все более сложным математическим аппаратом, сделать разветвленную, логически непротиворечивую систему, которую впору называть «чистой» экономической теорией. Такая теория, обладая несомненной стройностью и элегантностью, практически перестала нуждаться в фактах.

Так, по подсчетам, которые в свое время сделал Василий Леонтьев, оказалось, что чуть ли не половина авторов статей, опубликованных в журнале «American Economic Review», издаваемом Американской экономической ассоциацией, вообще не оперируют какими-то фактическими данными.

Такое превращение экономической теории в «искусство для искусства» беспокоило и беспокоит многих выдающихся экономистов. Так, Нобелевский лауреат, французский экономист Морис Алле фактически выводит на чистую воду «литературные» теории и «математическое шарлатанство», против которого выступал еще Кейнс в своем «Трактате о вероятности», требуя неукоснительного подчинения данным опыта.

Один из крупнейших экономистов XX века Милтон Фридмен (основоположник монетаристской школы в макроэкономике) тоже обращал внимание экономистов на необходимость применять критерий опровержимости к предлагаемым ими теориям. Наличие такого рода крайностей — свидетельство наличия проблемы соотношения теории и объясняемых, описываемых или предсказываемых ею фактов.

Следует признать, что найти «человека рационального», к которому апеллирует современная экономическая теория, не просто, ибо имеет место, по сути, ограниченная рациональность. Уже термин «хозяйство» расширяет горизонт экономического через введение человеческого, социального.

«Человек экономический» — человек, поведение которого рационально и регулируется критерием получения максимально возможной выгоды, все более подвергается критике и со стороны исследователей современного менеджмента. Так, Пол Саймон в ответ на попытки выделить в деловом поведении его сугубо рациональную часть призвал обратить внимание

на то, что человек скорее удовлетворяет потребности, чем добивается максимальной выгоды, т.е. добивается, скорее, удовлетворительных, чем оптимальных результатов в решении проблем. Он опроверг тезис о том, что человек обладает практически неограниченными вычислительными способностями, позволяющими ему безошибочно просчитать все шаги для максимизации благосостояния. По мысли Пола Саймона, любой человек «интеллектуально ограничен» и не способен найти единственно возможное максимизирующее решение. Это послужило основой его теории «ограниченной рациональности» и модели «человека административного».

На то, что рациональное экономическое поведение может существенно корректироваться, обращают внимание уже многие исследователи. Оно может корректироваться институтами, а точнее, созданными людьми ограничениями, которые структурируют их политическое, экономическое и социальное взаимодействие (Д.Норт). Корректироваться так называемым использованием коварства – сознательным искажением информации экономическими агентами с целью достижения эгоистических целей (О.Уильямсон назвал это оппортунизмом в экономическом поведении). Оно корректируется решениями, принятыми благодаря психологическим представлениям о вероятности будущих событий и рисков, т.е. тем, что Морис Алле назвал «субъективной вероятностью».

Расширяет контекст рациональности и интуиция или то, что М.Полани определил как личностное неартикулированное неявное знание, о владении которым индивид может и не знать. По мысли Полани, человек рационален в той мере, в какой истинны концепции и предпочтения, к которым он неявно привязан. Рациональное экономическое поведение корректируется и отклонениями индивидуальных суждений и наблюдаемого поведения людей от нормального стандарта, что изучили Дж.Канеман и А.Тверски, создавая «теорию перспектив».

Весьма показательно при этом то, что психологу Канеману в 2002 году была присуждена Нобелевская премия по экономике за то, что он доказал, что рациональность – качество, изначально не присущее человеку, и что даже специалисты в области принятия решений часто демонстрируют иррациональный образ мышления.

Здесь также можно вспомнить и высказывание Макса Вебера о том, что действие, в том числе и экономическое, может иметь своим мотивом состояние аффекта. В этом понимании само экономическое действие — лишь частный случай действия социального. Не случайно в среде зарубежных предпринимателей уже то и дело возникает мнение, что конкурируют не фирмы, а их организационные культуры, при том, что хорошие менеджеры создают смысл существования для работников. Иначе чем еще можно объяснить, например, то, что курсы повышения квалификации рабочих в Японии включают изучение музыки И.С.Баха и живописи К.Монэ, в школах менеджмента там изучают драматургию Шекспира и творчество Ф.Достоевского? И ведь такому подходу не откажешь в прагматизме, ибо не только теоретически, но и практически духовно богатый человек способен к самостоятельному творчеству и высококачественной работе.

Получается, что «человек экономический» — лишь особенная форма человека всеобщего, лишь одно из индивидуальных качеств, присущих человеку. Если же позволить себе быть еще более точным, то любое рассуждение о деятельности «человека экономического» есть, по сути, рассуждение о понятии и только, ибо человек — не экономический! «Экономического человека» индустриального общества, которого выделяли по аналогии с тем, как это делал Адам Смит (а человек, по А.Смиту, существо эгоистичное от природы), фактически то и дело вытесняет «многомерный человек» постиндустриального общества. И здесь не лишним будет вспомнить Гегеля, по мысли которого, человек со всеми его формами жизни образует сферу духа.

Ныне обращает на себя внимание важная тенденция: возникает новый жанр, некое коллективное экономико-духовное поле в изучении проблем современной экономики. Это все более заметно по публикациям (см., например, один из ведущих рецензируемых журналов ВАК РФ — Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики» 1/2 (17/18) за 2006 год), по появлению новых курсов в ряду экономических дисциплин, по деятельности ведущих международных компаний и развитию региональных экономических структур.

Возможно предположить, что столь длительное продвижение в сторону «чистой»

экономической теории (продолжающееся уже более 200 лет, если считать со времен профессора логики и философии морали Адама Смита, который обнаружил условия, когда даже этика смогла проявить свои цели лучшим образом в экономике) и породило столь дифференцированную систему экономических дисциплин, что в одном ряду с ними ныне оказался курс «Деловые культуры в международном бизнесе».

Появлению такого рода комплексной дисциплины безусловно способствовала и все та же образуемая рынком система конкуренции (которую вычленил Адам Смит, всерьез занявшись именно экономической составляющей своих исследований). Именно то реальное экономическое и институциональное давление на каждого отдельного человека и каждое предприятие, которое содержит в себе конкуренция, скорее всего, и заставляет получать все новое и новое знание ради ликвидации преимуществ конкурентов. Под угрозой экономического разорения действующие лица просто вынуждены стараться получать и применять знания и учитывать все более многообразные и опосредованно действующие на бизнес факторы.

Это значит, что даже если отдельным человеком и не руководит стремление к увеличению прибыли — возможно, из моральных соображений — то он принужден будет к этому под угрозой разорения.

В результате многовариантность социально-экономического и культурного поведения субъектов экономики तो и дело стала рассматриваться в качестве дополнительных функциональных условий существования рынка и конкуренции.

Именно эта логика, как ни странно, и делает рынок социальной организацией на благо общества и потребителей, ибо таким образом рынок служит людям, но людям как потребителям, а не производителям. Получается, что именно для удовлетворения потребителей рынок использует конкуренцию и стремление к прибыли и заставляет увеличивать производительность труда. Тем самым, прибыль и конкуренция служат управлению экономикой. И лишь постольку, поскольку все действующие лица являющиеся потребителями, постольку в рыночной экономике идет речь о благе все членов общества.

Логично будет предположить, что высокие прибыли с функциональной точки зрения необходимы не для благотворительности или других моральных требований, прибыли — стимулы инноваций, стимулы для инвестиций и сигналы для потенциальных участников рынка для выхода на рынок.

Этическая оценка рынка и конкуренции, предписываемая тематикой курса «Деловые культуры в международном бизнесе», не может игнорировать эту функциональную взаимосвязь, а скорее должна на ней основываться. Это значит, что исходным положением в рассмотрении деловых культур в контексте развития международного бизнеса должно стать то, что предприятиям не только морально разрешено, но и этически рекомендуется преследовать свой собственный интерес в конкурентной борьбе по отношению к конкурентам.

Здесь, видимо, не следует спешить усматривать противоречие в том, что действующие лица на рынке должны ориентироваться на экономическую целесообразность и практичность, а признать эту ориентацию как объективно необходимую. Известно, что в развитых промышленных странах такого рода легитимация выражается понятием этического «предположения правильности» увеличивающей прибыль деятельности.

Это тем более действительно, что только работоспособная рыночная экономика в состоянии прокормить более пяти миллиардов людей. Тем самым такая ориентированная на прибыль деятельность предпринятий легитимна не только сама по себе, но получает свое оправдание еще и благодаря соответствующей легитимации общеполитического контекста развития экономики.

Если позволить себе здесь опять обратиться к Адаму Смиту, то можно вспомнить, что обнаруженная им к концу XVIII века безличность, повсеместность и анонимность процесса труда заставили его искать реализацию его морально-философских идей не в чувствах симпатии и альтруизма (о чем он высказывался в «Трактате о моральных чувствах» 1759 года), а в рынке и конкуренции. Хотя вопросы относительно воздействия на процесс с точки зрения моральных намерений у него оставались.

В этой ситуации Адам Смит отделил желательный, с моральной точки зрения,

результат экономического процесса — всеобщее благосостояние как предпосылку свободы для всех, от мотивов действий авторов производства. И в этом, по-видимому, в том числе состоял смысл известной фразы из «Исследования о природе и причинах богатства народов»: «Не от благосклонности мясника, пивовара и булочника мы ожидаем то, что нам требуется для еды, а от того, что они соблюдают свои собственные интересы. Мы обращаемся не к их человеколюбию, а к их себялюбию, и мы упоминаем не свои потребности, а говорим об их прибыли».

Это расхождение мотивов и результатов (а точнее — мотивов и их социального смысла), открытое Адамом Смитом более 200 лет назад до сих пор реализуется, хотя то и дело вызывает возмущение людей и делает распространенными осуждения «жажды наживы», «эгоизма» и т.д.

Между тем, речь идет о том, что объективизированным порядком каждому отдельному человеку позволяется использовать свое особое знание через механизм рынка и конкуренции, который распространяет это знание или его результаты без ограничения его общими целями или общим центром.

При этом, цели могут быть выявлены лишь путем функционирования политической системы, в рамках процедур, которые различаются от страны к стране и от эпохи к эпохе. Преследуемые обществом цели могут быть какими угодно. Можно добиваться в первую очередь эффективности экономики или же, напротив, заботиться прежде всего о справедливости в распределении доходов, каким бы относительным ни было понимание справедливости. Можно задаться целью: создать как можно более прогрессивную экономику или же, напротив, придать первостепенное значение стабильности и гарантиям занятости и получения доходов. Независимо от того, касаются ли данные цели эффективности, справедливости или надежности, нельзя утверждать, что они сами по себе предпочтительнее, чем какие-либо другие. Экономическая наука не определяет, какой следует сделать выбор, она всего лишь дает научную информацию, согласно которой может быть произведен разумный отбор целей.

Это значит, что экономическую теорию и другие экономические дисциплины можно использовать для предсказания последствий изменения обстоятельств. То есть знание определенной совокупности обобщений экономических явлений, так называемых «идеальных типов» и абстрактных моделей экономистов-теоретиков позволяет воспользоваться различными вариантами выхода, уже осмысленными людьми, стремившимися в них не к описательной точности, а к аналитической приемлемости.

Безусловно, проблемой определения границ обоснованности различных гипотез, которые вместе и составляют существующую экономическую теорию и в экономические дисциплины в целом, нельзя пренебрегать. Как нельзя оставлять в стороне и необходимость конкретизации содержания «существующей экономической теории» и проведения различий между ее ветвями. Некоторые части экономической теории, очевидно, заслуживают большего доверия, чем другие. При этом математизация и моделирование характеризуемых процессов должны способствовать дальнейшему развитию этих процессов и их регулированию, а значит содержать допустимый ряд оговорок и условностей таким образом, чтобы оставались место и возможность изменениям и корректировкам избранных ранее параметров.

Это в не меньшей степени касается того ряда дисциплин, в которых продолжается и развивается экономическая теория. И здесь обращение к тематике деловых культур в международном бизнесе не должно быть подвержено торможению в развитии фиксации стереотипов общения и поведения в бизнесе его представителей с учетом национальных особенностей.

Конечно, исчерпывающая оценка нынешнего состояния экономических дисциплин, сбор фактов, касающихся обоснованности их социализации, оценка относительной степени доверия, которого заслуживает каждая дисциплина и каждая ее часть, очевидно, являются задачей трактата или, возможно, набора трактатов, но не короткой статьи по методологии их преподавания.

Процесс расширения совокупности обобщений, составляющих экономические дисциплины, процесс укрепления нашей уверенности в их обоснованности и повышение точности происходящих на их основе предсказаний, безусловно, будет идти. Именно этот

процесс и обеспечивает прогресс знания, свидетельствуя о том, что любая теория с необходимостью имеет преходящий характер и подвержена изменению.

Это значит так же и то, что прогресс экономической науки как таковой потребует не только проверки и развития существующих гипотез, но и построения новых. И здесь мало что можно сказать на формальном уровне.

Построение гипотез является творческим актом вдохновения, интуиции, изобретения, его суть заключается в обнаружении чего-то нового в знакомом материале, в особенности, если речь идет об учете социального в исследовании явлений действительности. И здесь не столько следует уповать на существовавшие и существующие методики преподавания, сколько всеерьез обнаружить собственный интерес к преподаваемым слушателям проблемам. Здесь понадобятся попытки неоднократно формулировать один и тот же вопрос ради поиска все новых и новых аспектов в рассмотрении знакомых тем. Здесь окажутся необходимыми аналогии и ассоциации из собственной жизни, жизни родственников и ближайших коллег ради обнаружения мировоззренческого единства с аудиторией и вычленения той неуловимой, но мгновенно осязаемой энергии, сила которой позволит вписать сам факт конкретного преподавания той или иной тематики из ряда экономических дисциплин в течение личной жизни каждого из присутствующих.

Достижение такого состояния самим преподавателем позволит надеяться на то, что процесс преподавания обретет то единственно оправданное переходное состояние, когда от подражания успешным инновациям он будет постепенно становиться самой инновационной. В случае с преподаванием экономических дисциплин с учетом их социализации это будет выражаться в появлении новых курсов и факультативных тематик, которые, с одной стороны, будут отражать реальные изменения современной действительности, с другой — превосходить их дальнейшее развитие и инновационность.

ВОЗМОЖНОСТИ ЗАНИМАТЕЛЬНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ВУЗОВСКИХ ДИСЦИПЛИН

О.В. Рыжанкова, к.э.н., доцент

Что считать успехом в преподавании вузовских дисциплин, в том числе экономических? В чем состоит успех самого преподавателя? Поначалу здесь можно только пожалть плечами, но затем память станет вызывать из прошлого облики и манеры преподавателей, которые чем-то запомнились, сохранились как зримое воспоминание. Какие это будут преподаватели? Прежде всего, те, которые не преподавали иначе, как с особым чувством к предмету, к слушателям, как таковой к своей деятельности. Писатель Лев Успенский, например, запомнил своего учителя математики. В памяти осталось, как этот учитель, изобразив мелом на доске ход доказательства одной геометрической теоремы, внезапно, отойдя от доски, оглядел чертеж с теллой, чисто отеческой улыбкой: «Вот... Видите эти маленькие треугольнички... Как крылышки у летучей мышки! — с нежностью проговорил он. — Вот они-то и решают дело». Нет, Лев Успенский не сделался математиком, но отношение к геометрии этого учителя навсегда передалось и ему, так что он даже полюбил решать задачи на построение, ибо ему вдруг открылась красота их логики.

Если задуматься, можно вспомнить тоже математика из собственной студенческой эпохи воздействия, такой переданной увлеченности. И тоже будет интересно заметить, что сами предметы совсем не обязательно стали потом образующими избранной профессии, но они точно были! А были они потому, что невозможно было их не воспринимать, так они были переданы!

Здесь хочется вспомнить тоже математика из собственной студенческой юности, Авраама Ефимовича Максименкова, который был неистощим на непостижимые ассоциации в тесном соприкосновении со своим, казалось бы, максимально формализованным предметом. Так, при написании одной из формул он деловито комментировал: «Если посадить мою единоутробную (так он называл свою жену — О.Р.) на подоконник, и она не удержится на нем и вылетит из окна сама..., — прищелчком взглядом окидывая аудиторию Авраам Ефимович, — она полетит по вот этой формуле», — быстро фиксировал он на доске необходимое уравнение. «А если ее немножечко подтолкнуть, — тут его палец мягко направлялся к окну к воображаемой там жене, — то она полетит уже с первоначальным